

Д. Ливен. Разные судьбы послеимперских метрополий

Когда я писал книгу об империях, я рассматривал связи между политической властью и великими культурами и цивилизациями. С одной стороны, анализировал причины их падения и подъема, с другой — рассматривал источники их мощи. На мой взгляд, характер этих связей определяется несколькими составляющими: политической, военной, экономической, идеологической, культурной, демографической и геополитической. Если проанализировать эти аспекты, то можно составить представление и о современном глобальном порядке.

Когда мы сегодня говорим о мощи современных держав, совсем необязательно подходить к этому вопросу исключительно с точки зрения того, является держава «империей» или нет. Тем более что я отвергаю американскую идею, противопоставляющую друг другу империю и демократию. Я, конечно, предпочту мир, в котором доминируют демократии «американского» типа, чем какой-то, скажем так, альтернативный мир. Но, на мой взгляд, заблуждение думать, что демократия в любых ситуациях заведомо лучше любой другой формы государственного устройства. Наиболее крупные демократические страны, как правило, имели колонии и были беспощадны по отношению к «небелому» населению, которое при таком положении вещей вряд ли могло осознать преимущества демократии.

Вообще, если вы можете быть гражданином, то лучше быть гражданином, чем объектом. Но если судьба решила так, что вы являетесь объектом, то лучше быть объектом недемократического государства, потому что демократическое служит интересам исключительно своих собственных граждан и плохо относится к другим. Страны с недемократическими режимами потому и существуют, что часто обеспечивают людям лучшую жизнь, чем в тех же условиях могли бы сделать режимы демократические.

Исключает ли это доминирующее положение англо-американской цивилизации в мире? Думаю, нет. Но, как сказал один из известных геополитиков конца XX века, сохранение этого положения в конце концов будет зависеть от «стабильности» средних классов. Мне кажется, что это именно так.

Д. Фурман,

главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор исторических наук, профессор

СНГ КАК ПОСЛЕДНЯЯ ФОРМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В СНГ входят страны, очень далекие друг от друга как географически, так и по глубоким основаниям своей культуры. То, что их объединяет, связано исключительно с разнообразными последствиями их пребывания в составе Российской империи, а затем возникшего на территории этой империи и пред

После империи

ставлявшего собой ее новое воплощение СССР. СНГ — это третья форма организации одного и того же российского имперского исторического пространства. Задача данного доклада — показать логику интеграционных и дезинтеграционных процессов, идущих на этом пространстве, и их значение для России.

1

Российская империя по своей внутренней структуре значительно отличалась от «заморских» колониальных империй западноевропейских стран. Она возникла за счет последовательного расширения самодержавного русского государства, постепенно подчиняющего народы, живущие по периферии России, — очень разные по своей культуре и численно уступающие русским (к началу Первой мировой войны русские составляли 44% населения империи). Народы становились подданными династии Романовых, а их земли превращались в окраины империи¹.

В отличие от западных колониальных империй, в Российской империи не было четкого разграничения «метрополии» и «колоний» и различий в правовом положении граждан и подданных. Русские не обладали большей свободой, чем «инородцы», наоборот, некоторые «инородческие» окраины пользовались значительно большей свободой, чем жители собственно русского «ядра империи». Если англичане или французы могли выбирать свои власти, в то время как их колонии управлялись назначенными метрополией чиновниками, в России, напротив, парламенты могли существовать в Польше и Финляндии, в то время как собственно Россия управлялась полностью авторитарно. А крепостное право, господствующее в центре империи, не распространялось на большинство окраин. Империя была российской, русской не потому, что русские были в ней «народом господ», а потому, что возникла из расширения русского ядра и ее императоры были русскими и православными.

Во второй половине XIX — начале XX века Российская империя подтачивалась процессами модернизации: распространением грамотности, средств сообщения и информации, урбанизации и развитием рыночных отношений, демократизацией социальной жизни. Эти процессы привели к двум последствиям.

С одной стороны, Российская империя стала осознаваться не просто как империя Романовых, но как национальное русское государство. Началась русская националистическая славянофильская агитация за ликвидацию сохранявшегося самоуправления окраин и их административную интеграцию с собственно русским землями, русификацию «инородцев», русскую колонизацию их земель и ограничение социальной роли нерусских. Императорская власть приняла и постепенно стала осуществлять эту националистическую программу. Радикальный поворот к «национально русской» политике произошел при Александре II, когда в России было отменено крепостное право и проведены

реформы, направленные на модернизацию и демократизацию общества.

С другой стороны, в окраинных этносах также шли процессы образования современных наций. Распространялась не только русская грамотность, но и грамотность на постепенно приобретающих литературную форму языках народов окраин. У этих народов формировалась своя буржуазия, интеллигенция и бюрократия. Императорская власть даже способствовала возникновению у наиболее отсталых окраинных наций своих интеллигенции и бюрократии, необходимых для управления ими. Идейная эволюция этого слоя происходила от преданности империи как носителю прогресса через стремление сохранить и модернизировать национальную культуру и противодействовать русификации к политическому национализму — автономии и сепаратизму, аналогично процессам, происходившим в других империях.

Русский национализм и националистические движения окраинных этносов, борясь друг с другом, взаимно друг друга усиливали. Чем больше империя осмысливалась как национальное русское государство и переходила к политике русификации, тем больше было противодействие этой политике со стороны поднимающихся национальных движений. И наоборот — чем сильнее и опаснее были эти движения, тем активнее становились усилия по их подавлению и русификации. Национальная борьба все более расшатывала организм империи.

Перенапряжение российского государства в Первой мировой войне и революция в центре империи привели к бурному росту и организационному оформлению автономистских и сепаратистских движений окраинных народов. Следствием исчезновения самодержавного, авторитарного «обруча», скрепляющего империю, стали ее дезинтеграция и распад. В период Гражданской войны на окраинах России возникло множество в основном очень непрочных и слабо организованных национальных государственных образований.

Российская империя распалась по тем же причинам (ослабление государственного организма в результате образования современных наций, перенапряжение и поражение в мировой войне и революция), которые привели к разрушению в это же время других континентальных империй — Австро-Венгерской и Османской. Однако в отличие от них Российская империя смогла восстановить свое единство на большей части своей территории и возродиться в новом воплощении — СССР.

2

Отличие судьбы Российской империи от участи Османской и Австро-Венгерской связано с тем, что в России на волне демократической революции к власти пришла партия большевиков, носительница интернационалистической квазирелигиозной идеологии. Можно сказать, что большевики смогли в новой форме восстановить единство Российской империи именно потому,

После империи

что они к этому не стремились. То, что им удалось победить лишь на исторической территории России, мыслилось ими как относительно случайное и временное явление, задержка на пути мировой социалистической революции. Созданное ими государство также рассматривалось как «временное» — не как преемник великой империи прошлого, а как плацдарм революции и будущего всемирного объединения народов, в котором национальные различия и государственные границы исчезнут вообще. Это отразилось и в самом названии нового государства, в котором нет никакого национального определения и никакого указания на преемственность с империей, — не какой-нибудь «Российский союз», а просто Союз Советских Социалистических Республик, т.е. федерация равноправных национальных республик, поскольку они являются советскими и социалистическими.

Ясно, что в ситуации выбора между большевиками и «белыми», стремящимися восстановить «Великую Россию», у окраинных народов колебаний быть не могло. Интернационализм большевиков, их борьба с проявлениями русского шовинизма, готовность реализовывать националистические программы нерусских народов — при единственном условии, которое тогда могло рассматриваться националистами как не столь важное, а именно господстве коммунистической партии — смогли «разоружить» относительно слабые национальные движения большинства народов окраин, еще не ставших полностью готовыми к самостоятельному государственному существованию нациями. Были потеряны лишь земли наиболее сформировавшихся как современные нации европейских по культуре народов — поляков, финнов и народов Балтии, а также вошедшей в состав Румынии Молдовы.

Идея федерации, в которой на условиях равноправия и добровольности входили бы громадная Россия с ее имперской историей, маленькие Грузия и Армения, Украина и Белоруссия с еще не полностью сформировавшимся национальным самосознанием, мусульманские этносы Средней Азии и Азербайджана и множество других народов с разными культурами и разных уровней развития, была совершенно утопичной. Но созданное большевиками государство и не было федерацией.

Провозглашенный большевиками добровольный федеративный союз равноправных народов изначально был фикцией, хотя и имевшей непрерываемое догматическое значение. Тоталитарный, квазирелигиозный характер большевистской идеологии исключал добровольность и федеративность. Фактически большевики воссоздали унитарное государство, в котором все пространство Российской империи управлялось из одного центра значительно более жестко, чем при самодержавии.

Впрочем, воссоздание Российской империи было уже невозможно. Но невозможно было и превращение «имперского пространства» в федерацию рав

Д. Фурман. СНГ как последняя форма Российской империи

ноправных народов. Скрепить это пространство, сформировать его как единое государство можно было только так, как это сделали большевики, — создав государство, основанное на догматически принятых идеях равноправия и федеративности, что смягчало стремление народов к выходу из него и к государственной самостоятельности, и в то же время жестко унитарное, способное государственным террором подавлять такие стремления. Именно это соединение несовместимого, возможное лишь при догматической идеологии, придало большевистскому государству относительную прочность.

Однако большевистские идеология и организация могли лишь задержать необратимые процессы. Российская империя просуществовала несколько сот лет. Государство, созданное на этой же территории большевиками, просуществовало 74 года, на протяжении которых его единство подтачивалось продолжающимися на его территории процессами образования современных наций и постепенным упадком скреплявшей его идеологии — теми же, но принявшими новые формы, процессами модернизации, которые разрушили Российскую империю.

3

Российская империя разрушалась и русским национализмом, стремящимся превратить ее в национально русское государство, что было все менее возможно, ибо окраинные этносы постепенно становились современными нациями, и национализмом этих окраинных этносов. Так же, «с двух концов», разрушалось и советское государство.

Государство, созданное большевиками, вначале не мыслилось ими как преемник империи. Но унитарное авторитарное государство, возникшее на территории империи, в котором «ядром» и самой мощной частью являлась этническая Россия, естественным центром которого была Москва, единым языком управления которого мог быть лишь русский язык и во главе которого должны были находиться только русские или обрусевшие, — это, вне зависимости от характера официальной идеологии, новое воплощение империи. В таком государстве «сама собой» неизбежно восстанавливается имперская иерархия народов во главе с русским.

Отчасти это отражалось даже в его формальной организации, которая именно потому, что была лишь формальной, могла совершенно не соответствовать реальному механизму управления. «Теоретическая» конструкция советской Конституции предполагала правовое равенство России и Грузии, но даже в чисто теоретической конструкции не могло быть равенства России и Бурятии или Адыгеи, которые считались автономными республиками в составе РСФСР. Кроме того, Россия не имела многих атрибутов государственности, которые имели другие республики, — своего ЦК, своих академий, творческих

После империи

союзов, ибо молчаливо подразумевалось, что союзные ЦК и академии и есть «в основном российские» и потому создание особых российских не нужно и опасно, может стать источником дезинтеграции. И действительно, когда в конце советского периода возникли отдельные российские органы власти, это означало конец СССР.

По мере упадка «эсхатологических» раннебольшевистских ожиданий мировой революции СССР все более осознавался уже не столько как зародыш будущего всемирного социалистического и коммунистического объединения человечества, возникновение которого переносилось во все более туманное будущее, сколько как продолжение и новое воплощение тысячелетнего русского государства. Аффективно — как то же самое государство, создававшееся и расширявшееся русскими самодержцами и победами русских полководцев, чьими именами назывались советские воинские ордена. Если Ленин, основатель советского государства — страстный интернационалист и ярый враг русского шовинизма, то Сталин одновременно и «верный ученик Ленина», новый «классик марксизма», и «классический» русский авторитарный владыка, «верный ученик Ивана Грозного и Петра Первого». Созданный при Сталине гимн, заменивший «Интернационал», содержит слова, в которых удивительно причудливо переплетаются имперские и интернационалистические образы и идеи: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь» (республики — свободные, но их союз тем не менее нерушимый и вечный, и сплотила их одна великая республика — Русь).

Сталин восстановил многие элементы символики Российской империи и подчеркивал особую роль и особое величие русского народа, который теперь официально объявлялся «старшим братом» других советских народов. Возрождались политика русификации, и если в 1920-е годы новые литературные языки народов СССР создавались на основе латинской графики, то теперь они переводились на русскую. На государственном уровне возрождались антисемитизм. Расширилось населенное русскими пространство. Сталин завершил то, что не смог сделать царизм, — очистил Крым и территории ряда северокавказских народов от местного населения, открывая их для русской колонизации. Восстановил он и территорию империи — возвратил утраченные в период революции и Гражданской войны в России («русской смуты») балтийские страны и Молдову.

Очень характерно, что расширение территории СССР при Сталине не перешло старых границ Российской империи². Возникшие после разгрома Германии и советской оккупации Центральной Европы коммунистические государства, даже принадлежавшая Российской империи, но слишком большая и обладающая слишком развитым самосознанием Польша, уже не были включены в СССР как союзные республики, что наверняка случилось бы при Ленине. Сталин явно опасался, что непосредственное их присоединение к СССР может

Д. Фурман. СНГ как последняя форма Российской империи

подорвать существующее в нем соотношение «национальных сил» и привести к утрате доминирующего статуса русского народа.

Таким образом, империя приобрела форму трех концентрических кругов. Первый круг — РСФСР, в которую входили на правах «автономий» многочисленные относительно малые окраинные народы и нации, земли которых были расположены «внутри» собственно России. Второй круг — СССР, куда входили и «кинородческие» окраины Российской империи, ставшие «союзными республиками», теоретически равноправными с Россией. Третий круг — громадный ареал государств, входящих в «соцлагерь», теоретически полностью независимых и связанных с СССР только партийными узлами и межгосударственными соглашениями.

Эпоха Сталина — эпоха предельной интенсивности обоих противоречащих друг другу компонентов осмысления советского государства: марксизма—ленинизма, ставшего догматической квазирелигией, и яркого и агрессивного русского национализма и шовинизма. Их соединение, при отсутствии осознания противоречий между ними, могло быть достигнуто лишь жесточайшим террором и громадными внешнеполитическими успехами государства — разгром Германии и появление «социалистического лагеря» как бы «легитимизировали» эту причудливую комбинацию.

После «разоблачения культа личности» интенсивность обоих этих компонентов несколько ослабла — следующие правители уже и не «классики марксизма», и не новые Иваны Грозные и Петры I. Но постепенный упадок марксистско-ленинской идеологии и ослабление идеологического контроля привели к тому, что русский национализм начал оформляться как относительно самостоятельное идейное течение, стремящееся утвердить национально-русский характер государства и ограничить в нем роль меньшинств. И, как и в Российской империи, центральная власть (русская) поддалась давлению русского национализма³.

Но параллельно этому процессу наблюдались явления прямо противоположные. Как и в Российской империи, русификация шла параллельно с развитием из окраинных этносов современных наций, которым делалась все более тесной «оболочка» становящегося все более русским государства.

4

Источником мощи СССР было не то, что он был империей русского народа, а то, что он был государством, основанным на коммунистической идеологии. СССР мог пользоваться поддержкой миллионов сторонников в «капиталистическом мире», сохранять лояльность советских народов и народов стран «народной демократии» только потому, что государство, которое «изнутри», и прежде всего русскими, рассматривалось скорее как продолжение и новое

После империи

воплощение Российской империи, «вовне» представало как воплощение интернационалистической коммунистической идеологии, как государство, основанное на равенстве и братстве народов.

Коммунистический интернационализм был закреплен догматически и накладывал жесткие ограничения на возможности трансформации СССР в русское национальное государство. Федерализм имел непререкаемое значение. И хотя реальное управление государством было строго унитарным, а федерализм — фиктивным, интернационалистические и федералистские догмы не были просто фикцией. Их поддержание требовало реальных действий.

В СССР проводилась колоссальная работа по превращению «ранее отсталых» народов в полноценные «социалистические» нации⁴. Изучались и кодифицировались языки, создавались словари и учебники, изучался фольклор, при государственной поддержке создавались и развивались «социалистические по содержанию», но «национальные по форме» литература, театр, современная музыка. Культивировался, хотя и в уродливых, ущербных формах, при признании русского превосходства и замалчивании всего связанного с сопротивлением русскому завоеванию, республиканский патриотизм. Государство стремилось развивать национальную интеллигенцию и бюрократию, что диктовалось как необходимостью управления, так и идеологическими догмами. И если в начале, во времена Ленина, при всем искреннем интернационализме раннего большевизма, реально окраинными республиками управляли не местные коммунистические элиты, которых просто не было, то затем, несмотря на новые русско-шовинистические элементы в идеологии и политике, руководство в республиках перешло к местным кадрам. Стремление ускорить модернизацию отсталых народов привело к созданию системы привилегий для них при приеме в вузы, в партию, на работу, которая одновременно была системой дискриминации русских, сохранявшейся до конца советской эпохи, — плата за признание их «старшими братьями».

Устанавливались границы союзных и автономных республик. Они, как и сама иерархия союзных республик и автономий, устанавливались в значительной мере произвольно и случайно, поскольку при полной централизации управления в СССР границы имели условное и скорее административное значение. Вначале они были относительно лабильны, но по мере общего «окостенения» советского государства становились все более неподвижными. Перевод республики в иной статус или присоединение к ней области другой республики, относительно легко осуществлявшиеся при Сталине и еще возможные при Хрущеве, в дальнейшем полностью прекратились. Границы внутри страны практически приобрели незыблемость государственных.

Государство стремилось создать в республиках все атрибуты полноценных «социалистических» наций и государств. В каждой республике должны были

Д. Фурман. СНГ как последняя форма Российской империи

быть свои ЦК, Верховные советы и Советы министров, свои академии наук и творческие союзы, свои театры и филармонии, издательства и газеты на национальных языках, свои памятники признанным идеологически приемлемыми великим людям прошлого.

Пока сохраняла свое значение коммунистическая идеология и государство управлялось не своими формальными конституционными органами, а подчиняющимся жесткой дисциплине партаппаратом, это не угрожало его единству — федерализм оставался «камуфляжем», фикцией. Но постепенный упадок коммунистической идеологии вел к тому, что фиктивный федерализм начал приобретать своеобразное воплощение в реальности.

СССР к концу своей жизни, естественно, не был той федерацией, которую провозглашала советская Конституция и которая вообще существовать не могла. Но он уже не был и таким унитарным образованием, каким должен был быть на основании постепенно становящегося формальным централизма КПСС. Республиканские власти непрерывно выражали свою преданность Москве, и удовлетворенная этим и стремящаяся лишь к «стабильности» Москва не вмешивалась во «внутренние дела» республик. Фактически национальные республики превращались в нечто вроде «вассальных царств», где безраздельно правили местные элиты, руководимые несменяемыми рашидовыми, кунаевыми, алиевыми.

К концу советского периода «обруч» коммунистической идеологии, скрепляющий государство, предельно ослаб, а степень готовности нерусских наций СССР к самостоятельному государственному существованию была уже во много раз выше, чем в момент распада Российской империи. Национальные государства «вылупились» из «советского яйца» уже почти полностью сформировавшимися национально-государственными организмами. Поэтому и сам этот распад произошел значительно менее болезненно, чем распад 1917 года.

Однако, говоря о предпосылках распада СССР, мы, очевидно, должны различать его объективную неизбежность и субъективную готовность к нему общества. Особенностью распада СССР было сочетание очень высокой степени объективной неизбежности (сама легкость этого распада свидетельствует о том, что СССР не только «созрел» для него, но и «перезрел») и очень низкой — субъективной подготовленности. СССР находился на грани смерти, но советское общество об этом не подозревало.

5

Такая неготовность общества к катаклизмам проистекала из самой его природы. Тоталитарное общество — и руководство, и население — «по определению» не знает себя, у него нет инструментов самопознания. Его болезни и слабости глубоко спрятаны от него самого. Поэтому и реформирование, предпри

После империи

нятое Горбачевым, было попыткой лечить организм, анатомия и физиология которого были неизвестны не только реформаторам, но и никому в стране. Естественно, что общество столкнулось с абсолютно непредвиденными результатами преобразований.

Самым важным из таких непредвиденных результатов было быстрое разрушение союзного государства, которое, как стало «выясняться» лишь в ходе перестройки, скреплялось только «обручем» КПСС и распалось, как только он был снят. Распад этот не был подготовлен какой-то длительной антиимперской и сепаратистской борьбой, как, например, борьба за независимость Индии, которая велась десятилетиями. В условиях СССР, где цензура подавляла любую свободную мысль, а КГБ — любые попытки самоорганизации общества, такая борьба была просто невозможна. Поэтому и развал страны произошел с удивительной скоростью.

В национальных республиках либерализация вызвала к жизни националистические движения — как сепаратистские, прежде всего в относительно поздно присоединенных к СССР республиках Балтии, Молдове и Западной Украине, так и направленные не столько против центра, сколько против других народов СССР, но также расшатывавшие единство государства конфликты, в числе которых армяно-азербайджанское столкновение в Нагорном Карабахе, национальные споры в Грузии и Центральной Азии. Эти движения не представляли смертельной угрозы для государства и могли быть подавлены силой. Но их усмирение означало бы конец предпринятой Горбачевым либерализации и демократизации, поэтому центр на него не решился. Между тем по мере ослабления центра, роста «низовых» националистических движений и опасностей, исходящих от неконтролируемых процессов в России, республиканские номенклатурные элиты все более сами склонялись к сепаратизму. Они быстро приходили к пониманию того, что в их руках есть механизмы, позволяющие контролировать их страны, и что независимость означает для них освобождение и от контроля Москвы, и от угроз со стороны местных националистов, лозунги которых они таким образом перехватили бы, а также защиту от неконтролируемых процессов, происходящих в России и других республиках, и резкое повышение социального статуса.

СССР разрушался не только в национальных республиках, но и в РСФСР, где Горбачев столкнулся с антикоммунистическим демократическим движением во главе с Ельциным, которое пришло к власти на Всероссийском съезде народных депутатов, после чего конфликт российской демократической оппозиции и Горбачева принял форму конфликта российских и союзных органов власти. Россия сама стала антисоюзной и «сепаратистской».

Идеология демократического движения в «перестроечной» России была очень аморфной, объединяя самые разные элементы, а сознание его руководите

Д. Фурман. СНГ как последняя форма Российской империи

лей и последователей — в значительной мере эклектично. В нем присутствовал и реально демократический, «антиимперский» компонент. Но с ним сочеталась и совершенно другая составляющая — русско-националистическая. Одним из важнейших элементов агитации Ельцина и демократов было утверждение, что Россия эксплуатируется союзным государством, что ее ресурсы перекачиваются в нерусские окраины и что в СССР она не обладает всей полнотой прав, поскольку у нее нет своей академии наук, ЦК и прочих институтов. Здесь российские демократы солидаризировались с противниками горбачевского либерализма из противоположного, «имперского» и русско-шовинистического, лагеря.

Русский национализм стремился не к разрушению СССР, а к тому, чтобы он стал государством, где русское доминирование было бы открытым и безусловным. Но идея эксплуатации русских меньшинствами и их неполноправия в СССР была близка русским националистам, которые не могли не поддерживать создание российского президентства и борьбу за «интересы России» против союзной власти⁵. Ведь у других республик были уже свои президенты, а чем Россия хуже? И здесь русский национализм «попал в ловушку». Если центр еще мог как-то справиться с сепаратизмом окраинных республик, то с сепаратизмом самой России он справиться был не в состоянии. Борьба за «величие России» привела к разрушению того государства, в рамках которого Россия только и могла быть «великой».

Как и в Российской империи, в которой распад шел с двух сторон — и от национализма русских, стремящегося сделать империю национально русским государством, и от националистов народов окраин, стремившихся этого не допустить, распад СССР также был двусторонним. К нему стремился и «старший брат», который не хотел считаться с «младшими» и подозревал, что они его эксплуатируют, и «младшие братья», стремившиеся выйти из-под его опеки.

Распад СССР был результатом совместных усилий самых разнообразных сил, и только некоторые и далеко не самые мощные из них сознательно и целенаправленно двигались к его разрушению. Организованный союзным руководством референдум в марте 1991 года продемонстрировал, что подавляющее большинство населения — и отнюдь не только в России — было за сохранение союзного государства. В России против Союза проголосовали только 19% — те, кто последовал призывам Ельцина и возглавляемых им российских демократов. Но даже эти 19% не могут рассматриваться как принципиальные сторонники роспуска Союза. Такое голосование скорее носило характер протеста против политики Горбачева, чем выражало реальное стремление к ликвидации СССР. Практически никто и из голосовавших «за», и из голосовавших «против» не мог предполагать, что СССР прекратит существование в этом же году.

Даже Ельцин и его ближайшие соратники, упорно боровшиеся с союзным центром и призывавшие голосовать на референдуме против СССР, не имели ясных представлений о будущем Союза. Борьба с горбачевским союзным руко

После империи

водством была для них прежде всего не идейной борьбой с империей, а борьбой за власть, в которой они могли использовать самые разные лозунги и самых разных союзников. И когда после августовского «путча» стало ясно, что центр предельно ослаб и больше не представляет для них угрозы, а нерусские республики готовы к отделению, российская власть стала угрожать им территориальным переделом и фактически войной, если они выйдут из Союза, что, естественно, только способствовало усилению их сепаратистских стремлений. Идея Беловежских соглашений, положивших конец существованию СССР, возникла у российских лидеров в последний момент. Можно сказать, что эти соглашения буквально «свалились на голову» неподготовленному к ним населению.

Это сочетание объективной неизбежности и легкости распада и субъективной неготовности к нему, его неожиданности — специфическая черта гибели тоталитарной «советской империи». СССР пал не в результате военного поражения, не в результате длительной борьбы народов за освобождение и не в результате сознательного отказа от идеи империи главной, «имперской» нации. Распад произошел по непонятным для подавляющего большинства причинам настолько легко и быстро, что население, прежде всего русское, просто не могло поверить, что это действительно факт, что государство, создававшееся веками и просуществовавшее века, окончательно погибло. «Несерьезность» акта роспуска СССР — где-то в Беловежской пуще собрались три человека и в одночасье «за пол-литра» все решили — выглядела анекдотически и не позволяла осознать значение события.

Это во многом определило специфику русского «постимперского синдрома» и тех отношений, которые возникли на постсоветском, постимперском пространстве, оформившемся, за исключением стран Балтии, в Содружество Независимых Государств — СНГ.

6

И российское общество, и положение России в мире радикально изменились на протяжении очень короткого времени. Россия отказалась от «коммунистических идеалов» и провозгласила цель создания нового демократического общества с рыночной экономикой. Империя была разрушена. Распалось внешнее, защищающее СССР на «дальних рубежах» кольцо вассальных коммунистических государств. Беловежские соглашения «распустили» и сам Союз. Распад империи не остановился на границах России. Чеченцы, татары и другие народы «автономных республик» не могли согласиться с тем, что произвольно установленная Сталиным иерархия республик обрекает их на вечное отсутствие государственной самостоятельности, и также провозгласили свои автономии суверенными государствами, отношения которых с Россией должны были строиться на договорной основе. Тем более что и сам Ельцин, стремясь зару

Д. Фурман. СНГ как последняя форма Российской империи

читься их поддержкой, призывал их в период своей борьбы с Горбачевым брать «столько суверенитета, сколько можете проглотить»⁶.

Но готовность российского общества к этим революционным переменам была в большей степени «негативной», чем «позитивной». Люди были готовы скорее к отказу от старой системы, чем к созданию новой. Коммунистическая идеология, в которую практически уже никто не верил, не оказывала сколько-нибудь серьезного сопротивления. Идеи демократии и рынка были приняты относительно легко, ибо никаких серьезных альтернатив им просто не возникало. Но в тоталитарном обществе, у народа, вообще не знавшего на протяжении практически всей своей истории иной формы правления, кроме различных модификаций деспотии, и иной формы национального существования, кроме как быть «главной» нацией в империи, не могло сложиться демократических ценностей⁷. Даже те, кто искренне принимал демократию идейно, совершенно не были готовы к ней психологически.

Поэтому Россия сразу же после провозглашения демократического государства встала на путь построения «управляемой демократии» — имитирующего демократические процедуры режима личной власти назначающих себе наследников президентов. Как после революции 1917 года в новом идейном облачении возродилось традиционное для России авторитарное правление, так оно вернулось, хотя и в значительно более мягкой и «закамуфлированной» форме, и после революции 1991 года.

Аналогичные и взаимосвязанные процессы происходили и во внешнеполитической сфере. Как российское общество не было готово к демократии, так оно не было готово к неимперскому существованию и неимперской политике. Россия относительно легко и просто отказалась от идеологически мотивированной борьбы с «миром капитализма». Но это привело к возвращению к «досоветской» империалистической картине мира начала XX века — мира, в котором все государства ведут борьбу за «сферы влияния» и каждое стремится подчинить себе другие, т.е. даже к некоторой архаизации внешнеполитического мышления. Возможность иного типа отношений между государствами кроме доминирования или подчинения и иных целей внешней политики кроме достижения доминирования и избежания подчинения просто не воспринималась общественным сознанием. Оно было готово признать, что «Россия потерпела поражение в холодной войне», но естественным стремлением потерпевшего поражения является «подняться с колен», что понималось как борьба за сохранение и возвращение великодержавного статуса и своей сферы влияния — «Россия была, есть и будет великой державой».

Поэтому как с момента провозглашения демократического российского государства оно стало трансформироваться в авторитарную «управляемую демократию», так с момента распада империи началась борьба за ее восстановление.

После империи

Те же люди, которые активно способствовали разрушению «советской империи», тут же, без «задержки на переосмысление», пытались ее восстановить. Те же люди, которые провозгласили идеи демократии и видели в западных демократиях своих союзников, стали бороться с расширением западных союзов — союзов демократических государств для защиты демократии. Те же люди, которые только что призывали «брать столько суверенитета, сколько можете проглотить», с невероятной жестокостью начали подавлять чеченский сепаратизм.

Мы говорили о трех концентрических кругах советской империи. После ее распада Российская Федерация, включающая автономии, сохранила прежние границы. СССР, за вычетом стран Балтии, был преобразован в СНГ. А страны соцлагеря были потеряны для влияния окончательно и бесповоротно. Но это была единая система, единая империя, поэтому и борьба за ее удержание и восстановление до сих пор ведется во всех этих трех «кругах».

Аналитически мы можем вычленить политику России именно в СНГ. Но это чисто аналитическое вычленение, ибо борьба за укрепление СНГ и, например, борьба против вступления не входящих в СНГ стран Балтии в НАТО — проявления одного и того же стремления зафиксировать постсоветское имперское пространство как зону российского влияния. Такие разнородные явления, как войны с чеченскими сепаратистами, запрещение татарам переходить на латинский алфавит, переход к системе назначения глав «республик в составе Российской Федерации», борьба с расширением НАТО, поддержка режима Милошевича и действия, направленные на интеграцию СНГ «вокруг России», — разные проявления одной и той же политики.

Это не политика, исходящая из какой-то продуманной концепции, так же как политика по построению «управляемой демократии» не исходит из какой-то цельной идеологии. Скорее, здесь действуют всеобщие и устойчивые «инстинкты» и привычки, которые придают политике структурированность и целенаправленность даже в ситуациях, когда, как это часто было в начале ельцинского правления, решения по важным внешнеполитическим вопросам, особенно касающимся СНГ, могли приниматься независимо друг от друга разными субъектами.

7

Беловежские соглашения преподносились российской официальной пропагандой не столько как соглашения о ликвидации СССР, сколько как соглашения о создании союза на новых основаниях, в котором, разумеется, главенствовать должна была Россия. Говорилось даже, что СНГ сможет расширяться за пределы бывшего СССР. Создание СНГ камуфлировало факт распада СССР, который представлялся не распадом, а преобразованием, которое в будущем может привести к новому расширению. И камуфлировало не только для

Д. Фурман. СНГ как последняя форма Российской империи

народа, но и для самого российского руководства, сознание которого принципиально не отличалось от массового.

Представление о том, что русские — естественные «старшие братья» для всех народов СССР, как и представления об «имманентной» России роли великой державы, настолько глубоко вошло и в элитарное, и в массовое сознание, что распад СССР не воспринимался как появление принципиально новых отношений между действительно независимыми государствами. Доминирующий образ будущих взаимоотношений на постсоветском пространстве выражался в формуле «никуда не денутся». СНГ воспринимался как СССР в новой инкарнации, как сам СССР до этого воспринимался в качестве новой инкарнации Российской империи.

В некотором роде СНГ и был такой реинкарнацией, последней организационной формой существования и последней стадией распада российского имперского пространства. Даже если отвлечься от генезиса этого пространства и связанных с ним исторической памяти и привычек к определенному типу отношений между населяющими его народами, сама его конфигурация — громадная Россия в центре и относительно маленькие страны по ее периферии — исключала возможность создания на нем объединения равноправных национальных государств⁸.

Естественно, что если даже в СССР республики были теоретически равноправны, то СНГ тем более формально — союз равных, и российское доминирование в нем не могло быть формально закреплено⁹. Но, опять-таки как и в СССР, формально равноправный союз СНГ скрывал доминирование «главной» республики («союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь»), вынужденной «платить» за поддержание единства союза, с которым связывалось поддержание ее великодержавного статуса. Как формальная равноправная организация, СНГ было с самого начала так же нежизнеспособно, как с самого начала была невозможной формально зафиксированная в конституциях организация СССР. Но формальная организация — лишь прикрытие реальных отношений. Российское имперское пространство, поскольку оно едино, может быть лишь пространством, объединенным Россией и вокруг России, и СНГ, поскольку оно представляло собой некое целое, могло быть лишь «российскоцентричной» организацией.

На постимперском пространстве наблюдается смена циклов интеграции и дезинтеграции. После распада Российской империи Россия смогла снова собрать «кинородческие окраины» и восстановить единство имперского пространства. Затем эти «окраины» вновь разбежались от России, которая опять стремится удержать и «собрать» их. Но это движение не «вверх», а «вниз» по спирали. По мере превращения окраинных этносов в жизнеспособные нации соотношение сил постепенно меняется и возможность «имперской интеграции» уменьшается.

После империи

После распада Российской империи Россия могла сохранить единство этого пространства и свою доминирующую роль на нем лишь с помощью интернационалистической коммунистической идеологии и в форме федерации равноправных народов. Распад СССР произошел в результате падения этой скрепляющей идеологии и изменения соотношения «национальных сил», произошедшего в советский период. Поэтому новое объединение могло быть лишь еще более «рыхлым», аморфным и эфемерным — уже не советской федерацией, а содружеством независимых государств. Тем не менее сохранение единства «имперского пространства», пусть и в предельно ослабленном виде, означало возобновление и продолжение на нем тех же процессов и тенденций, которые ему имманентны и которые развивались на нем и в конце существования Российской империи, и в советское время. В начале 1990-х годов Россия вступила в третий, самый короткий цикл интеграции и дезинтеграции, вновь начав борьбу за объединение своего «имперского пространства». В то же время в бывших «братских советских республиках», ставших независимыми государствами, началась борьба за реальную самостоятельность. Эта борьба ведется до сих пор, только соотношение сил в ней уже не такое, как раньше, и российские успехи не велики и не прочны.

8

Ресурсы России в борьбе за сохранение и укрепление СНГ были очень ограничены. России противостояли не эфемерные и никем не признанные образования, не имеющие ясных границ и населенные народами с только зарождающимся национальным самосознанием, как в 1917—1920 годы, а достаточно сформированные и имеющие признанный международный статус независимости национальные государства. Новая международная правовая ситуация и новое соотношение сил исключали возможность их новой насильственной инкорпорации. Россия не имела и такого мощного идейного оружия, какое возникло у нее в период разрушения Российской империи, — коммунистической идеологии. Тем не менее определенные ресурсы для сдерживания процессов распада на территории СНГ у России были.

Россия оставалась на пространстве СНГ самым мощным государством, по численности населения, размерам территории и ресурсам значительно превосходящим любую другую страну. Россия не должна была, как другие республики, практически «с нуля» создавать армию и дипломатическую службу, в ней осталось большинство общесоюзной бюрократии и перебивавшейся в советский период в центр интеллигенции из других республик. Русская «диаспора» в странах СНГ, ориентированная, естественно, на Россию, была грандиозной, сконцентрированной прежде всего в городах и игравшей громадную роль в экономике, культуре и аппарате управления. Русский язык безоговорочно

Д. Фурман. СНГ как последняя форма Российской империи

господствовал на всем постсоветском пространстве как «язык межнационального общения», российские СМИ везде были более популярны, чем республиканские. Республиканские элиты были в значительной мере русифицированы и жили в мире русской культуры. Сохранялась и значительная психологическая зависимость новых стран от России, привычка к ее главенству, к тому, что самые важные вопросы решаются в Москве и так, как хочет Москва, и представление о том, что Россия — всегда и во всем впереди, поэтому, решая свои проблемы, надо прежде всего смотреть, как они преодолеваются там. Более того, новообразованные государства были хотя и неизмеримо более устойчивыми и жизнеспособными, чем национальные государственные образования периода революции и Гражданской войны, но все же слабыми, раздираемыми противоречиями, как межреспубликанскими, так и внутренними, не освоившимися с новой ситуацией.

Россия использовала трудности и слабости республик СНГ, чтобы привязать их к себе. Так, она активно способствовала свержению национал-демократических лидеров Грузии и Азербайджана, не намеренных вступать в СНГ, и приходу к власти сил, которые воспринимались как «пророссийские» и которые действительно «вернули» в Союз свои республики. Она активно вмешивалась в гражданскую войну в Таджикистане, где привела к власти «пророссий-скую партию».

Россия поддерживала сепаратистов в Грузии и Молдове и способствовала отделению от этих стран непризнанных сепаратистских образований, полностью зависящих от России и фактически оккупированных российской армией («миротворческими силами»), одновременно добившись согласия Грузии на создание российских военных баз на ее территории. Россия в армяно-азербайджанской войне помогала оружием и военными подразделениями обеим воюющим сторонам, создавая ситуацию, когда военные возможности и армян, и азербайджанцев полностью зависели от согласия России на очередные поставки.

Руководствуясь обычным принципом «разделяй и властвуй», она стремилась не разрешить конфликты между республиками и внутри них, а «заморозить» их, зафиксировав на неопределенное будущее свою роль «миротворца» и «посредника». Москва не доводила до логического конца поддержку русских сепаратистских и ирредентистских движений и не пыталась присоединить населенные русскими земли, хотя призывы к этому, особенно в отношении Крыма и Севастополя, «города русской славы», раздавались в российском обществе постоянно. Ведь это могло привести к открытому конфликту с республиками и разрушить СНГ¹⁰. Но она использовала такие возможности как постоянную угрозу, а свою заботу о правах русских — как средство давления. Она также использовала для привязывания к себе республик их экономическую зависи

После империи

мость от поставок российских энергоносителей или от российских трубопроводов, если речь шла о республиках, добывающих нефть и газ.

Но, может быть, самый важный инструмент скрепления СНГ как зоны российского влияния был связан с природой возникших в странах СНГ политических режимов. Во всех этих странах, за исключением Молдовы, установились однотипные с российским режимы «имитационной демократии», во главе которых встали представители советской номенклатурной элиты, часто те же самые люди, которые возглавляли их в конце советской эпохи. Эти правители стремились сохранить свою власть, а затем передать ее избранным им наследникам, используя не правовые, но имитируемые как правовые и демократические методы: избирательные компании, в которых оппозиция не получала доступа к избирателям, фальсификацию результатов выборов и т.д. В этом они не могли рассчитывать на поддержку стран Запада, но всегда могли положиться на понимание и поддержку России и своих собратьев по СНГ.

Как бы экономические интересы, соображения престижа и статуса и естественное стремление избавиться от российской опеки ни подталкивали руководителей новых государств «в западном направлении», для такого движения существовали мощные ограничения, связанные с самой природой их власти. За помощью к Москве главы стран СНГ обращались каждый раз, когда возникали внутренние опасности для их режимов, особенно в критической ситуации передачи власти, как это было с Г. Алиевым в процессе передачи власти сыну и с Л. Кучмой, стремившимся передать власть В. Януковичу. Таким образом, СНГ стал возглавляемым Россией «священным союзом» президентов против оппозиций.

9

Изначально время работало на Россию и на закрепление СНГ как «зоны российского влияния». Период распада СССР — пора национал-демократической эйфории, охватившей даже те народы, у которых до этого реальных массовых движений к отделению от СССР не было. Но эта эйфория должна была закончиться. Очень скоро народы стран СНГ убедились, что независимость, совпавшая с мучительными социально-экономическими и политическими преобразованиями, принесла не только национальную свободу, но и многочисленные лишения. Возникает волна ностальгии по советским временам и интеграционных стремлений.

Национал-демократические революционные лидеры уступают власть «трезвым» представителям старой номенклатуры в Молдове, Грузии и Азербайджане, и они вводят свои страны в СНГ. В Таджикистане в гражданской войне побеждает группировка, поддерживаемая Россией и ориентированная

Д. Фурман. СНГ как последняя форма Российской империи

на нее. В Беларуси на президентских выборах побеждает единственный депутат Верховного Совета, голосовавший против ратификации Беловежских соглашений, ярый сторонник интеграции с Россией А. Лукашенко, а в Украине участника Беловежских соглашений и «архитектора украинской независимости» Л. Кравчука сменяет Л. Кучма, одним из пунктов программы которого было объявление русского вторым государственным языком — правда, выполнить этот пункт он не решился. Внутриполитическая ситуация во всех странах СНГ стабилизируется, и установившиеся здесь режимы воспринимают членство своих стран в СНГ как данность.

Внешне могло казаться, что произошедшие на нашем пространстве изменения не носили принципиального характера. В последние десятилетия существования СССР руководители национальных республик реально не были так зависимы от высшего московского партийного руководства, как то предполагалось партийной дисциплиной, что понимали и в республиках, и в центре. Но после провозглашения государственных суверенитетов они не стали такими независимыми, как следовало из их новых статусов.

Раньше республиканские коммунистические правители ездили в Москву и, соревнуясь в изъявлениях преданности СССР и КПСС, добивались каких-то экономических выгод для своих республик, санкционирования своего положения и свободы рук во внутренних делах, прежде всего в кадровой политике, позволявшей им выстраивать свои неформальные механизмы власти. Теперь правители провозгласивших независимость государств, фактически те же самые люди, успевшие за это время сменить идеологическую одежду и стать президентами, также ездили в Москву, выражали свою преданность СНГ и идеям интеграции, чтобы добиться поставок нефти и газа по льготным ценам — за любовь Россия была готова платить. Более того, именно Россия предоставляла им гарантии сохранения положения внутри страны и свободы действий, давая обещание не поддерживать сепаратистов или, во всяком случае, новые сепаратистские движения, не выражать чрезмерной обеспокоенности положением русских и не пригревать оппозиционеров. Они знали, что, когда возникнет угроза их власти, они всегда могут рассчитывать на Россию и на следующих выборах или очередном референдуме о продлении полномочий Москва выразит им полную поддержку и категорическое несогласие с позицией западных наблюдателей, утверждающих, что выборы прошли недемократично и с многочисленными нарушениями законодательства.

Единство СНГ как сферы российского влияния очень относительно, возможности российского контроля над странами СНГ ограничены. Авторитарный характер режимов стран СНГ, который способствует созданию скрепляющего СНГ единого антиопозиционного фронта, одновременно ставит жест

После империи

кие пределы развитию более глубокой и реальной интеграции, которая означала бы потерю правителем контроля над своей страной. Поэтому все проекты более тесной интеграции кончаются тем же, что и многочисленные проекты интеграции арабских стран с похожими авторитарными режимами, — ничем. Никаких «материальных» выгод от СНГ Россия не имеет, а ценностью с точки зрения военной безопасности СНГ может обладать лишь в той фантастической картине мира, в которой существует угроза вторжения в Россию войск НАТО.

Но значение СНГ для России — прежде всего психологическое и символическое. Это символ того, что Россия не полностью потеряла пространство СССР, что она все равно великая держава, окруженная странами, признающими ее доминирование. Российские базы в Севастополе или Ахалкалаки — не средство защиты от реальных врагов, а символы российского присутствия, знаки, которыми она «помечает» свое пространство.

Во второй половине 1990-х годов казалось, что этому слабому и скорее символическому единству СНГ и доминированию в нем России ничто не угрожает. Но в начале следующего десятилетия и тысячелетия начался распад даже этого призрачного единства.

10

Распад СССР создавал качественно новую правовую ситуацию, но он был лишь вехой в длительном, начавшемся еще в XIX веке процессе дезинтеграции имперского пространства, превращения окраинных этносов империи в современные нации. Этот процесс начался еще тогда, когда о распаде Российской империи и мыслей ни у кого не было. Он продолжался весь советский период и привел к распаду СССР. Но даже распад СССР и новая правовая ситуация еще не означали, что он полностью завершен.

И процесс дезинтеграции продолжился, приняв после распада СССР форму укрепления новых обществ и государств. С 1991 по 2005 год в них происходят большие изменения. Труднейшая рыночная трансформация осталась позади, начался посттрансформационный рост. Быстро формируются новые группы элиты, которых не было или практически не было в советское время, — дипломаты, офицерский корпус. Политические системы везде, за исключением Молдовы, сохраняют квазидемократический характер, но уже являются устоявшимися системами, соответствующими уровню развития стран, а политическая жизнь везде начинает вращаться вокруг реальных проблем новых государств.

Меняется национальный состав населения — та часть русского и вообще не-титального населения, перебравшегося в республики в советскую эпоху, которой было наиболее трудно приспособиться к новой ситуации, уезжает. Сепаратистские конфликты «заморожены», подавлены или потеряли свою остроту.

Д. Фурман. СНГ как последняя форма Российской империи

Возникает привычка к государственной независимости, она начинает восприниматься не как что-то неожиданно свалившееся с неба, а как само собой разумеющееся, чему, естественно, способствует смена поколений. И чем больше встают на ноги новые государства, тем больше усиливается в них стремление к освобождению от российской опеки.

Остается, однако, одна очень сильная связь, образуемая природой политических режимов. Как бы ни хотел, например, Кучма, освободиться от российской опеки и войти в западные структуры, сам характер его власти не позволял это сделать. И именно эта последняя и сильная «привязка» бывших союзных республик к России делает сохранение СНГ на долгое время невозможным. Поскольку Россия поддерживает всех президентов СНГ и созданные ими режимы «управляемой», «имитационной» демократии, оппозиция этим режимам становится антироссийской и обращает свои взоры на Запад. Но авторитарные режимы обречены на деградацию и относительно недолгую жизнь. Падение их и приход к власти оппозиции неизбежны, и соответственно становится неизбежным разрыв тех уз, которые связывают их правителей с Россией и которые, по сути, являются последними узлами, скрепляющими постсоветское постимперское пространство в единое целое.

Переход от режимов личной власти к демократическим неизбежен везде. Но ряд культурных особенностей некоторых стран СНГ способствуют тому, что падение режимов личной власти происходит в них раньше, чем в других государствах и в самой России. Удар по СНГ как зоне российского влияния наносят демократические революции начала XXI века. Они приводят к власти силы, которые сама логика их борьбы делает «прозападными», уничтожают зависимость властей от российской поддержки и главное препятствие на пути интеграции в западные структуры — несовместимость политических систем. Одновременно очевидная неспособность России спасти своих «клиентов» подрывает веру в ее помощь у тех правителей, режимы личной власти которых еще сохраняются.

Украинский президент Л. Кравчук, единственный из участников Беловежских соглашений, который мог опираться на народный мандат — результаты украинского референдума о независимости, после заключения этих соглашений сказал об СНГ как о «форме цивилизованного развода». Тогда это вызвало волну возмущения в российском обществе. Спустя более 14 лет, после «оранжевой революции» в Украине эту формулу Кравчука повторил российский президент Путин. Столько времени заняло освобождение от иллюзий возможности закрепления СНГ как сферы российского влияния.

Российская политика, направленная на сохранение того, что осталось от империи, потерпела полное и окончательное поражение. И это будет иметь громадное значение для внутренней эволюции России.

Мы уже говорили, что возвращение России на путь воссоздания авторитарной системы и ее возвращение к имперской политике — это разные стороны одного и того же процесса.

При падении коммунизма российское общество не имело сколько-нибудь серьезных альтернатив принятию идеологии построения демократического и рыночного общества внутри страны и «партнерства» с демократическими странами вовне, как это было при падении самодержавия, когда существовал целый веер вполне жизнеспособных и созвучных времени недемократических идеологий. Но оно было не готово и к неформальному усвоению этой идеологии, к реальному воплощению ее ценностей в жизнь. Сформированные веками привычки берут вверх и преобразуют демократию в «управляемую», а внешнюю политику — в имперскую, империалистическую.

Эти два процесса не только имеют общие культурные и психологические корни, но и связаны друг с другом функционально. Внешнеполитические успехи в борьбе за сохранение того, что осталось от империи, и внешнеполитические угрозы тому, что осталось от империи, используются как аргументы для построения авторитарного общества и государства, которые могут заставить «считаться с собой». В стране, ведущей войну в Чечне, к границам которой «подползает НАТО», которой угрожают все — от исламских террористов до американцев, должна быть «властная вертикаль». В осажденной крепости не до демократии.

Поэтому разрушение СНГ — главного символа того, что Россия остается «великой державой» и «центром силы», — означает не только внешнеполитическое поражение. Это удар по мировоззрению, которое лежит в основе всей системы «управляемой демократии». Если она не способна остановить и обратить вспять процесс сжатия империи, как «шагреновой кожи», значит, она неэффективна.

Разрушение СНГ — это и разрушение своеобразного санитарного кордона вокруг России, защищающего ее от идущих с Запада «вредных влияний». То, что Россия была окружена кольцом стран с однотипными режимами «управляемой демократии», создавало ощущение, что такая форма правления — норма, во всяком случае для постсоветского пространства. Но прорыв этого кольца, установление демократии в таких близких и культурно, и пространственно странах, как Украина, не может не оказывать воздействия на российское общество. То, что могло восприниматься как постсоветская норма, скоро станет восприниматься как исключение, ненормальность, свидетельство отсталости.

СНГ и российский строй «управляемой демократии» неразрывно связаны друг с другом. Оба они являются результатом заключительного этапа распада единого целого — традиционного российского авторитарного государства и Российской империи. И как современный российский авторитаризм — слабый, неэффективный и вынужденный «притворяться демократией», так

Д. Фурман. СНГ как последняя форма Российской империи

и СНГ — предельно слабая, «призрачная» форма Российской империи. И наша «управляемая демократия», и СНГ — недолговечны. Содружество Независимых Государств оказалось менее прочным, чем российская политическая система. Но судьбы СНГ и нашей политической системы неразрывно связаны. Страна «управляемой демократии», потерпевшая полное поражение во внешней политике и окруженная демократическими странами, будет вынуждена начать процесс пересмотра самих основ своего мирозерцания и своего бытия.

Народы, живущие на территории СНГ, т.е. территории бывшего СССР, а до того — Российской империи, прошли грандиозный путь, ведущий от самодержавной империи Романовых к независимым демократическим государствам. Некоторые из них обогнали на этом пути Россию. Но все равно это общий для всех путь, и Россия также идет по нему. И по сравнению с тем расстоянием, которое мы уже прошли, осталось совсем не так уж много.

Примечания

- ¹ Точной даты возникновения Российской империи назвать нельзя — ее создание было медленным и постепенным процессом. Естественно, оно не относится к 1721 году, когда Петр I формально был провозглашен императором. Очевидно, важнейшим рубежом в этом процессе является царствование Ивана Грозного, присоединившего к России большие массивы земель, населенных татарами и другими народами Поволжья.
- ² Кроме присоединения никогда не принадлежавшей Российской империи Западной Украины, что мыслилось как объединение Украины, Тувы и Калининградской области.
- ³ Царская власть и советское руководство относились к русскому национализму схожим образом. Царизм опасался и вначале даже преследовал славянофилов, инстинктивно понимая, что их агитация не может не вызывать противодействия у других народов и не вести к дезинтеграции империи. Но он поддавался их давлению по мере того, как расшатывались традиционалистские основы царской власти, которая искала новые способы своей идеологической легитимации. Совершенно по тем же причинам менялось отношение к русскому национализму и советской власти.
- ⁴ Отчасти это продолжение работы царской власти по изучению и освоению «окраин России» и созданию необходимого для управления окраинными народами русифицированного слоя-посредника. Отчасти продолжение национального строительства, которое велось националистической интеллигенцией окраинных народов и было объективно направлено против империи. Эти две совершенно разные мотивации причудливо переплетались в просветительской деятельности в царской России и не менее причудливо — в советской.
- ⁵ Первым мысль о том, что Россия, которую третируют и эксплуатируют неблагодарные национальные республики, сама может выйти из Союза, озвучил не кто-либо из демократов-западников, а русский националист Валентин Распутин.
- ⁶ Автономии не поддерживали стремление союзных республик к разрушению СССР, ибо для маленького народа быть в составе громадного многонационального государства не так страшно, как оказаться лицом к лицу с численно подавляющим инациональным большинством в рамках государства, где это большинство является титульной и государствообразующей нацией. Поэтому распад СССР стал для ряда малых народов — абхазов, чеченцев, татар — сигналом к отделению от своих республик.

После империи

В этом отношении положение народов Центральной Европы было значительно легче. Во-первых, в их прошлом были периоды демократии, полноценной или хотя бы относительной, и психологически демократия не ощущалась чем-то совсем новым и небывалым. Можно даже было представить построение демократии как возвращение к национальной «норме» после инационального русского коммунистического господства. Кроме того, принадлежность этих народов к Европе была очевидной, и психологически им было легко принять роль учеников развитых европейских стран, готовящихся к «экзамену» по вступлению в НАТО и ЕС.

⁸ Очень распространенное в России сравнение СНГ и ЕС и призывы к объединению по примеру Европы не учитывают принципиального различия этих объединений. ЕС — объединение, в котором нет одной страны, превосходящей все остальные страны размерами и ресурсами, как в СНГ. Оно включает относительно равновеликие страны — Великобританию, Францию, Германию, в пространстве «между которыми» достаточно свободно чувствуют себя и маленькие государства. Если в таком объединении и есть опасность утраты самостоятельности, то не по отношению к какой-то большой стране, играющей роль «старшего брата», а по отношению к ненациональным органам. СНГ по своей структуре следует сравнивать не с ЕС, а с каким-то фантастическим объединением — например, Германии с Данией, Люксембургом и Чехией. Такое объединение не может быть не чем иным, как объединением вокруг Германии.

⁹ Впрочем, вначале Россия стремилась добиться от стран Запада формального признания СНГ «зоной российской ответственности».

¹⁰ Один из положительных эффектов СНГ состоит в том, что ценность его сохранения как зоны русского влияния сдерживала поощрение русских ирредентистских движений в республиках и постоянно возникавшие в самой России поползновения к насильственному включению в свой состав населенных русскими земель. Российские власти понимали, что нельзя одновременно отнять у Украины Крым и сохранить ее как верного члена СНГ. Поэтому существование СНГ в какой-то мере предохранило Россию и ее соседей от «югославского варианта».

Э. Паин,

генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ), доктор политических наук, профессор кафедры прикладной политологии ГУ— ВШЭ

ИМПЕРИЯ В СЕБЕ. О ВОЗРОЖДЕНИИ ИМПЕРСКОГО СИНДРОМА В РОССИИ

На мой взгляд, *империя для современной России не только прошлое, но и настоящее.*

Д. Фурман в одной из своих публикаций высказал интересную мысль, отметив, что Великобритания и Франция к началу прошлого века были парламентскими демократиями *для себя* и империями для своих заморских колоний. Применительно к современной России эта формула может быть прочитана в иной редакции. Наша страна — парламентское государство *для других*, но им-